

Alexander Letuchiy

Adyghe causative constructions: syntax and structure of situation

In my article I analyze causative constructions in the Adyghe language – a polysynthetic language of the Abkhaz-Adyghe group. I will try to show that for Adyghe causative constructions, two subevents – the causation and the caused event – are not equally “important”: the caused situation is pragmatically much more important, which can be demonstrated by both semantic (meaning of the construction) and syntactic (combinations with phase verbs, with lexical causative verbs and so on) properties of causative constructions. Because of this, I consider the parameter “pragmatic salience of subevents” to be a very important parameter not only for Adyghe constructions, but also for typology of causative constructions.

А.Б. Летучий

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Адыгейский каузатив: синтаксис и структура ситуации¹

Введение

Каузатив является одной из самых хорошо исследованных актантных дериваций – начиная со сборников [8] и [19], он привлекал внимание многих лингвистов и исследовался как в работах по отдельным языкам, так и в типологической литературе.

Каузация, воздействие каузатора на каузируемого², может совершаться различным образом. В работах [5] и [17] предлагается классификация способов каузации: выделяются контактная каузация (контактное воздействие на каузируемого) и дистантная (воздействие с помощью слов, действий, которые физически не затрагивают каузируемого). С другой стороны, каузация может быть фактивной (субъект заставляет каузируемого производить действие или приводит его в некоторое состояние), либо пермиссивной (своими действиями или их отсутствием субъект позволяет каузируемому совершить действия).

Однако, помимо семантической классификация способов воздействия, полезна классификация каузативов ещё по двум параметрам. Во-первых, различным может быть соотношение между каузацией и каузируемой ситуацией: они могут быть представлены как две разных ситуации или части одной, сложной. В частности, в том или ином языке может действовать запрет на несовпадение времени и места каузации и каулируемой ситуации – в этом случае мы говорим, что эти две подситуации сильно интегрированы в одну ситуацию. Также конструкции различаются по **фактивности** – ср. русские предложения (1) и (2):

¹ Исследование финансировалось из средств грантов РГНФ 03-04-1801е "Адыгейская лингвистическая экспедиция", 04-04-18008е "Адыгейская лингвистическая экспедиция" и 06-04-00194а "Синтаксис полисинтетического языка". Я благодарен за плодотворное обсуждение данной проблематики Н.Р. Сумбатовой, П.М. Аркадьеву, Ю.А. Ландеру и всем участникам адыгейского лингвистического семинара в Институте лингвистики РГГУ.

² Каулируемый также обозначается термином «субъект каулируемой ситуации» (СКС). тся термином «субъект каулируемой ситуации» (СКС).

(1) *Хорошая погода позволила нам гулять допоздна.*

(2) *Король позволил мне гулять по его саду.*

Каузация в (1) фактивна: подразумевается, что каузируемая ситуация (прогулка) имела место, то есть каузация была успешной. В примере (2) с тем же каузативным глаголом этой импликации нет, то есть каузация не фактивна. Следовательно, в примере (2) каузация и каузируемая ситуация семантически в большей мере отделимы друг от друга, чем в (1).

Эта классификация, как было показано в [5] и [17], коррелирует с другой, синтаксической: синтаксически каузатив может сближаться либо с полипредикативной, либо с монопредикативной конструкцией. Согласно принципу, предложенному в работе [17], чем больше семантическая интеграция подsituаций, тем больше они будут интегрированы и синтаксически – каузативная конструкция в этом случае будет близка по свойствам к монопредикативной конструкции. Степень близости конструкции к монопредикативному или полипредикативному полюсу определяется с помощью синтаксических тестов: возможности извлечения актанта из подчинённой предикации, маркирования субъекта каузируемой ситуации, порядка слов и т.д. Так, во французском языке конструкция с глаголом *faire* типа (3) ближе к монопредикативной, чем (4), поскольку каузативный и смысловой глаголы в (3) не могут быть разорваны:

(3) *Il fait descendre mon ami* ‘Он заставляет моего друга спуститься’;

(4) *Il fait mon ami descendre* ‘Он заставляет моего друга спуститься’.

В хакасском и тувинском языках может использоваться различная стратегия маркирования каузируемого – при аккумулятивном маркировании конструкция близка к полипредикативной.

Сложность состоит в том, что не всегда ясно, какая из характеристик – способ каузации, фактивность, совпадение ситуаций во времени или какая-нибудь другая – является в данном языке главной – часто каузативные конструкции различаются сразу по нескольким параметрам: например, если каузация контактна, высока вероятность того, что она также будет и фактивной.

Ещё одно важное противопоставление состоит в том, что именно добавляет к исходной конструкции каузативная деривация: **участника** – каузатора – или **ситуацию** каузации. Первой точки зрения придерживаются авторы работ [5], [18] и [10], а вторая отстаивается в исследованиях [14] и [15]. В работе [3] убедительно показывается, что ни одна из трактовок не верна универсально – например, карачаево-балкарский язык скорее отвечает первой из них, а хакасский – второй.

В данной статье мы анализируем свойства конструкции с морфологическим каузативом в адыгейском языке абхазо-адыгской группы.

Вначале нужно сказать, что, поскольку адыгейский язык является полисинтетическим, роли актантов отражаются в глагольной словоформе:

все эргативные и абсолютивные актанты контролируют глагольное согласование, причём первым следует показатель абсолютивного согласования, затем – согласования с непрямыми эргативными дополнениями, а последний слот занимает показатель эргативного агенса.³

Каузатив в адыгейском языке

Каузатив в адыгейском языке обозначается префиксом *кe-*. Этот показатель очень продуктивен: он сочетается практически со всеми глаголами, в том числе со стативами-«прилагательными»:

- (1) *čale-r* *ø-ma-k_we*
 ПАРЕНЬ-ABS 3SG.ABS-DYN-ИДТИ
 ‘Парень идёт’;
- (2) *a-š'* *a-r* *ø-je-va-k_we*
 ОН-ERG ОН-ABS 3SG.ABS-3SG-CAUS-ИДТИ
 ‘Он заставляет его идти’.

Синтаксическая структура каузативной конструкции проста. Маркирование актантов исходного глагола не меняется, а добавляемый каузатор маркируется эргативом – как при каузативах от непереходных, так и от переходных глаголов:

- (3) *čale-m* *g_wəčə-r* *j-e-wəfe*
 ПАРЕНЬ-ERG ЖЕЛЕЗО-ABS 3SG-DYN-ГНУТЬ
 ‘Парень гнёт железо’.
- (4) *ja-te* *čale-m* *g_wəčə-r* *r-j-e-ke-wəfe*
 3SG-ОТЕЦ ПАРЕНЬ-ERG ЖЕЛЕЗО-ABS 3SG.IO-3SG-DYN-CAUS-ГНУТЬСЯ
 ‘Отец заставляет парня согнуть железо’.

Таким образом, маркирование актантов каузативного глагола полностью соответствует правилу, сформулированному в [9]:

Каузируемый получает наивысшую в иерархии S > DO > IO > OBL свободную синтаксическую роль, а маркирование исходного прямого объекта не меняется.

Отличие от языков типа турецкого, где это правило тоже соблюдается, состоит в том, что при каузативе от переходного глагола каузируемый и каузатор маркируются одним и тем же падежом – эргативом, то есть каузируемый сохраняет свой падеж. Казалось бы, это является простым совпадением, вытекающим из свойств адыгейской падежной системы: эргативом в ней кодируются и субъект переходного глагола, и не прямое дополнение⁴. Но ниже мы покажем, что это значимо для наших целей, поскольку делает возможной другую интерпретацию падежного маркирования в каузативной конструкции.

³ Маркеры согласования с абсолютивным актантом глоссируются глоссой “S” и соответствующим лицом и числом актанта (в случае, если маркер нулевой, он не показывается в глоссах), маркеры согласования с непрямым объектом – глоссой “IO”, лицом и числом актанта, маркеры согласования с эргативным агенсом – глоссой “A”, лицом и числом актанта.

⁴ Также эргативом маркируются некоторые обстоятельства.

Семантика каузатива

Семантический тип адыгейского каузатива не дифференцирован и не является важным параметром – пермиссивное или фактитивное понимание может возникать в зависимости от контекста:

- (5) vračə-m səmaze-r ə-ve-λ?-av
ВРАЧ-ERG БОЛЬНОЙ-ABS 3SG-CAUS-УМИРАТЬ-PAST

‘Врач не спас больного (позволил больному умереть)’ – пермиссивная каузация.

- (6) a-š' ostəve-r je-ve-ķ_wase
ОН-ERG СВЕЧА-ABS 3SG-CAUS-ГАСНУТЬ

‘Он гасит свечу’ – фактитивная каузация.

Тем не менее, следует обратить внимание на особые типы значений, близких к каузативным, которые также может выражать эта форма.

1. Каузатив переключения референции

Показатель каузатива может обозначать переключение референции, смену субъекта предложения. Такое употребление отмечалось в работе [13] для чеченского и ингушского языков, где оно названо “switch-reference causative”.

- (7) se sə-faj we we-z-ve-čəje-n-ew
я 1SG.ABS-ХОТЕТЬ ты 2SG.ABS-1SG-CAUS-СПАТЬ-IRR-CONV

‘Я хочу, чтобы ты спал’.

Возникновение переноса от каузатива к переключению референции естественно: в таком значении каузатив употребляется в случаях, когда события каким-то образом зависят от субъекта первого предложения (или, по крайней мере, он желает их осуществления).

Существенно, однако, что при данном значении собственно каузативная семантика отодвигается на второй план. Не подразумевается, что формальный каузатор действительно будет влиять на ситуацию – реальными участниками ситуации, выраженной вторым предложением, является только каузируемый.

2. Гортатив

Ещё дальше от собственно каузативного отстоит значение гортатива – побуждения к действию – скорее попадающее в сферу модальности, чем актантной деривации:

- (8) tə-ž_wə-ve-pseu
1PL.ABS-2PL-CAUS-ЖИТЬ

‘Давайте вместе жить!’;

- (9) a-xe-m fatagrafije-xe-r ja-te-ve-ve-λek_wə-x
ОН-PL-ERG ФОТОГРАФИЯ-PL-ABS 3PL.Ю-1PL.Ю-CAUS-CAUS-ВИДЕТЬ-PL

‘Давай покажем им фотографии’.

В (9) один из каузативных префиксов обозначает прототипическую каузацию, а другой – гортатив.

Для каузативных конструкций в разных языках засвидетельствовано

такое развитие: ср., например, английское *Let's sing* 'Давай споем', букв. 'Позволь нам спеть'. Адыгейский же язык интересен тем, что даёт возможность проследить соотношение лиц при гортативной конструкции – и оно весьма необычно: каузатор входит в число каузируемых. К примеру, в предложении (8) каузатор 'вы', выраженный префиксом $\hat{z}_w\vartheta$, входит во множество каузируемых 'мы' (префикс $t\vartheta$) – буквально пример означает '(Вы) позвольте нам (нам и вам) жить вместе'.

Как и предыдущее, это употребление отодвигает на второй план каузируемого: реальной каузации действия, даже пермиссивной, не предполагается. Инициатива принадлежит как раз говорящему, а слушающий – формальный каузатор – только соглашается на некоторую ситуацию, в которой участвует и сам (поэтому и возможно нестандартное соотношение).

Итак, для переносных употреблений каузатива характерно **подавление каузатора** и сопутствующее ему выдвижение на первый план каузируемого. Попробуем понять, согласуется ли это со свойствами конструкции в собственно каузативном употреблении. Мы будем рассматривать каузативы от **переходных** глаголов.

Семантика каузатива

Уже на примере переводов адыгейских каузативных конструкций информантами на русский язык⁵ можно заметить любопытный факт: русский эквивалент не является собственно каузативной конструкцией:

(10) $\check{c}ale-m$ $a-\check{s}'$ $meq_w\vartheta-r$ $\emptyset-j-\vartheta-ke-w\varrho\check{c}\vartheta-\check{v}$
 ПАРЕНЬ-ERG ОН(А)-ERG ТРАВА-ABS 3SG.ABS-3SG.IO-3SG-CAUS-КОСИТЬ-PAST
 'Он(а) косит траву (потому что парень её попросил)',

то есть каузация выражается с помощью придаточного предложения или предложной группы. Напротив, русские конструкции с каузативными глаголами 'дать', 'заставить', 'попросить' обычно переводятся адыгейскими каузативными глаголами.

Следовательно, наиболее релевантен для говорящего именно факт осуществления каузируемой ситуации, а не её каузация.

Признак «существенность подситуаций» практически не рассматривался в типологических работах о каузативных конструкциях, но важность этого признака отмечалась. В статье [11] рассматриваются русские глаголы с циркумфиксом *до-...-ся* (*Ты у меня доорёшься*): они обозначают каузацию некоторой ситуации, но релевантна для них только каузирующая ситуация ('орать'), а не конкретные её последствия. С другой стороны, для собственно каузативов фокусирование внимание на каузации вряд ли естественна, поскольку каузация не имеет смысла без каузируемого события.

Итак, данный тест опровергает высказанное во многих работах мнение о том, что каузативация добавляет к исходной ситуации другую,

⁵ Практически все носители адыгейского языка, живущие в России, двуязычны.

высказанная в [5], [10] и [18], тоже не совсем точна для адыгейского случая: при отрицании в (13) не отрицается сама каузация, следовательно, она мыслится, как подситуация, отдельная от каузируемой ситуации.

Временные наречия

Если каузативная конструкция полипредикативна, ожидается, что она допускает два временных наречия, модифицирующих разные клаузы. Для адыгейского это невозможно:

(15) **njepe* se a-š' newəš' ?of je-se-ke-š'e
 СЕГОДНЯ я TOT-ERG ЗАВТРА РАБОТА 3SG.IO-1SG-CAUS-ДЕЛАТЬ

‘Я сегодня его вынуждаю завтра поработать’.

Данный факт допускает две трактовки – **семантическую** (ситуации не могут иметь место в разное время) и **синтаксическую** (конструкция монопредикативна, и не допускает двух наречий в одной клаузе). Объяснить ограничение семантикой оказывается невозможно: адыгейские каузативы допускают наличие между подситуациями временного интервала:

(16) se a-š' newəš' ?of je-se-ke-š'e
 я TOT-ERG ЗАВТРА РАБОТА 3SG.IO-1SG-CAUS-ДЕЛАТЬ

‘Он завтра будет для меня работать по моей просьбе’.

Предложение (16) не дифференцирует время каузации – она могла уже иметь место к моменту речи.

Также важно, что возможна только одна интерпретация временного наречия – оно не обязательно относится ко времени каузации, но обязательно относится к каузируемой ситуации. Предложение (16) не может означать ‘Я завтра заставлю (попрошу) его работать, а работать он будет позже’. Каузируемая ситуация более существенна и перетягивает на себя действие наречий.

Аналогично этому, особым образом при каузативе интерпретируется настоящее время. Предложения типа (17) получают две интерпретации:

(17) se č'ale-m me?erəse q-je-se-ke-wəw_weje
 я ПАРЕНЬ-ERG ЯБЛОКО DIR-3SG.IO-1SG-CAUS-СОБИРАТЬ

i. ‘Я сейчас заставляю парня собирать яблоки (стою рядом и вынуждаю)’. ii. ‘Парень сейчас собирает яблоки, потому что я его заставил (возможно, сейчас я нахожусь даже в другом месте)’.

Настоящее время не обязательно относится к каузации, но должно определять каузируемую ситуацию.

Это позволяет предположить, что невозможность примеров с двумя временными наречиями обусловлена даже не монопредикативностью, а **неполноценностью** каузации как ситуации.

Конструкции с фазовыми глаголами

Субъект фазового глагола в адыгейском языке кореферентен субъекту смыслового (подробнее см. [7]):

- (18) se we wə-s-š'e-new je-s-e-važ'e
 я ты 2SG.ABS-1SG-ВЕСТИ-SUP 3SG.IO-1SG.A-DYN-НАЧАТЬ
 'Я начал тебя вести'.

Это ограничение не соблюдается при каузативных глаголах. Хотя обычно субъект ФГ совпадает с каузатором, он может совпадать и с каузируемым (эти конструкции признаются не всеми носителями языка):

- (19) sjate meʔerəse-xe-r qə-s-jə-ke-šəpə-n-ew
 je-z-ke-ž'a-в
 ОТЕЦ ЯБЛОКО-PL-ABS DIR-1SG.IO-3SG.A-CAUS-СОБИРАТЬ-MSD-CONV
 3SG.IO-1SG-CAUS-НАЧАТЬ-PAST

'Я начал собирать яблоки по просьбе отца';

- (20) č'elejevaže-m te txəλ
 УЧИТЕЛЬ-ERG МЫ КНИГА
 tə-r-jə-ke-žen-ər tə-r-jə-ke-ke-ž'a-в
 1PL.ABS-OBL-3SG-CAUS-ЧИТАТЬ-ABS 1PL.IO-AUG-3SG.-CAUS-CAUS-НАЧАТЬ-PAST

'Учитель начал заставлять нас читать книги' (букв. 'заставил нас начать [он заставляет нас читать книги]').

Это также доказывает субъектные свойства СКС: каузатив от переходного глагола может переинтерпретироваться как 'Мы читаем книги по просьбе учителя', а в этом случае конструкция моносубъектна. Конечно, они проявляются более слабо, чем у каузатора – но значительно сильнее, чем у всех прочих непрямых дополнений.

Сочетаемость с каузативными глаголами

В адыгейском языке существует ряд каузативных глаголов, выражающих специфические типы каузации – разрешение, вынуждение (*rjəvezən* 'заставлять') и др. Как правило, считается, что в языках мира аналитические конструкции выражают **дистантную каузацию**, в отличие от контактной, кодируемой морфологическими средствами.

Однако адыгейский опровергает эту гипотезу. Морфологические и лексические маркеры каузации сочетаются в одной конструкции:

- (21) s-jane wəcə-m sə-r-jə-ke-z-jə sə-r-je-ke-š_wa-в
 1SG-МАТЬ ЛЕКАРСТВО-ERG 1SG.S-3SG.A-CAUS-ROOT-& 1SG.S-LOC-3SG.A-
 CAUS-ПИТЬ-PAST

'Мама заставила меня выпить лекарство' (букв. 'заставляя, заставила меня выпить').

- (22) se č'ale-r je-z-ke-zə-в
 я ПАРЕНЬ-ABS 3SG.IO-1SG-CAUS-ЗАСТАВЛЯТЬ-PAST
 məʔarəse q-je-z-ke-wəv_wejən-ew
 ЯБЛОКО DIR-3SG.IO-1SG-CAUS-СОБИРАТЬ-CONV

'Я заставил парня собирать яблоки'.

Конструкция (21) буквально означает 'Мама, заставив меня и каузировала выпить лекарство'. Каузативный глагол стоит в так называемой союзной форме, которая обладает неполной финитностью. В этом смысле

конструкция (21) напоминает предложения типа ‘Мама заставила меня выпить лекарство силой/уговорами’, где способ каузации также выражается не с помощью финитного глагола. Гораздо важнее, что существуют примеры типа (22) где каузативный глагол ‘заставить’ стоит в финитной форме (‘Я заставил парня, чтобы я его каузировал собирать яблоки’). При традиционной трактовке каузативной ситуации как включающей две равноправные подситуации такие предложения тавтологичны (смысл ‘заставить’ выражается два раза). Однако если считать, что СКС имеет субъектные свойства, а ситуация, субъектом которой он является, выделена по сравнению с каузацией, наличие таких примеров становится более объяснимым: они позволяют выдвинуть каузацию на первый план, выразив её с помощью специального каузативного глагола.

Образование реципрока

Среди формальных свойств адыгейского каузатива можно отметить нестандартное образование реципрока от каузативных форм:

(23) $\text{ʔ}_{wef\dot{s}ak_{we-xe-m}}$ $\text{čəg}_{wə-r}$ $ja-p\chiə$
РАБОТНИК-PL-ERG ПОЛЕ-ABS ЗPL(A)-ПАХАТЬ

‘Работники пахут поле’.

(24) $\text{ʔ}_{wef\dot{s}ak_{we-xe-m}}$ $\text{čəg}_{wə-r}$ $ja-zere-ke-p\chiə$
РАБОТНИК-PL-ERG ПОЛЕ-ABS ЗPL(IO)-REC-CAUS-ПАХАТЬ

‘Работники заставляют друг друга пахать поле’.

Как отмечается в [7] – что подтверждается и нашими полевыми данными – маркер *zere-* используется при переходных глаголах, выражая взаимность между субъектом и прямым объектом. Во всех прочих случаях используется показатель *ze*⁶. Это правило нарушается именно при каузативных глаголах.

По-видимому, объяснить это можно особым статусом каузируемого. Синтаксически и морфологически – по типу контролируемого им личносчислового маркера и падежному оформлению – он, казалось бы, является непрямым дополнением. Однако поскольку каузируемая ситуация находится на первом плане по сравнению с каузацией – и следовательно, каузируемый также занимает привилегированное положение, близкое к положению агенса. Поэтому реципрок на *zere-* маркирует кореферентность привилегированных актантов (субъекта с другим субъектом).

Рефлексив и реципрок от каузативов, обозначающие кореферентность исходного прямого объекта и каузируемого, также образуются особым способом:

(25) а. se $zə-s-\lambda ek_{wə-ž'ə-v}$
 я REFL-1SG-ВИДЕТЬ
 ‘Я увидел себя’;

⁶ Наши полевые исследования выявили несколько исключений, когда вместо *zere-* может использоваться *ze-* – но всегда на правах менее распространённого варианта.

- b. s-jate κ_w ənʒe-m-çe zə-qə-s-jə-ke- λ ek $_w$ ə-ž'ə- κ
 1SG-ОТЕЦ ЗЕРКАЛО-ERG-INS REC-INV-1SG.IO-3SG-CAUS-ВИДЕТЬ-RFC-PAST
 'Отец_i показал мне_j себя_j в зеркале';
- (26) a. κ_w ənʒe-m-çe s-jə-ze-p λ ə-ž'ə- κ
 ЗЕРКАЛО-ERG-INS 1SG.S-LOC-REFL-СМОТРЕТЬ-ITER-PAST
 'Я посмотрел на себя в зеркало';
- b. s-jate κ_w ənʒe-m-çe sə-ze-r-jə-ke-p λ ə-ž'ə- κ
 1SG-ОТЕЦ ЗЕРКАЛО-ERG-INS 1SG.S-REFL-LOC-3SG-CAUS-СМОТРЕТЬ-RFC-PST
 'Отец заставил меня посмотреть на себя в зеркало'.
- (27) četwə-m-re ha-m-re zere-z-ke- λ ek $_w$ ə-ke-x
 КОШКА-ERG-И СОБАКА-ERG-И REC-1SG-CAUS-ВИДЕТЬ-PERF-PL
 'Я_i кошку и собаку_j показал друг другу_j';

Как мы видим, примеры (25b) и (26b) различаются порядком аффиксов: в первом случае личный аффикс каузируемого следует за взаимным, во втором предшествует ему (точно так же, как при некаузативном переходном и некаузативном непереходном глаголах в (25a) и (26a)).

Если считать, что каузируемый является непрямым дополнением, объяснить эти контрасты нельзя: и в (25b), и в (26b) рефлексив связывает прямое и не прямое дополнение – только в первом случае не прямое дополнение введено деривацией. Как и в случае с наречиями, возможны два объяснения:

1. «порядок дериваций». Каузатив образуется уже после реципрока и не меняет тип взаимной формы – то есть различия между исходным непереходным и переходным глаголами учитываются;

2. субъектные свойства СКС. В (25b) выбирается порядок, характерный для кореферентности субъекта и прямого объекта, поскольку СКС в некоторой мере и является субъектом.

Те же два объяснения допускает (27): реципрок образован с помощью маркера *zere-*, который обычно связывает субъект и прямой объект, хотя кореферентны не прямой и прямой объекты. Это может быть обусловлено либо предшествованием реципрока каузативу, либо субъектными свойствами СКС.

В действительности эти два объяснения не исключают друг друга. С одной стороны, может существовать определённый порядок дериваций, с другой, он может быть обусловлен именно свойствами актантов: образовать реципрок от каузатива «сложнее», поскольку имеется два участника, претендующих на статус субъекта, поэтому он и образуется до каузативации.

Подведём итоги: таблица 1 показывает результаты тестов по трём признакам: семантической связанности ситуаций, выделенности ситуаций и полипредикативности.

Тест	Кол-во предикатов	Связанность	Выделенность
------	-------------------	-------------	--------------

Наречия	1	?	каузируемая
Отрицание	2?	+ (но зависит от формы)	?
Начинательность	?	?	каузируемая, СКС
Значение	?	?	каузируемая
Реципрок	1	?	СКС
Переносные употр.			СКС

Как мы видим, выделенность каузируемой ситуации и СКС – гораздо более точный фактор для адыгейского, чем связанность ситуаций. По сути, хотя синтаксически субъектом является каузатор, СКС имеет очень сильные субъектные свойства, отчасти обусловленные коммуникативно – выделенностью каузируемой ситуации, участником которой он является.

В этой связи вернёмся к способу образования каузатива. Мы говорили, что оно следует правилу, сформулированному в [9]:

Непереходный глагол: ABS → **ERG (A)ABS**
 Переходный глагол: ERG (A) ABS → **ERG (A)ERG (IO) ABS.**

Однако субъектные свойства СКС позволяют перестроить схему для переходного глагола:

Переходный глагол: ERG (A) ABS → **ERG (A)ERG (A) ABS.**

Падежное маркирование допускает эту схему: как говорилось выше, падежи агенса и непрямого дополнения совпадают. В этом случае оказывается, что каузируемый занимает не наиболее высокую из свободных позицию, а просто наивысшую – субъектную.

Синтаксическая монопредикативность конструкции, оказывается, коррелируют не только со степенью соединённости ситуаций, но и со **степенью выделенности** каждой из них: если выделена каузируемая ситуация, конструкция скорее монопредикативна, поскольку семантически каузация не является полноценной подситуацией. В этом смысле каузатив не добавляет к ситуации новую подситуацию, а достраивает внутрь неё компонент, похожий на компонент причины или цели.

Каузатив и лабильные глаголы

Другую роль каузатив играет при пациентивных глаголах. Такие глаголы в адыгейском часто лабильны – допускают и переходное, и непереходное употребления (см. о системе лабильных глаголов адыгейского языка в [2] и [4]):

(28) *ʒane-r* *wəʃ_wəjə-ʋ*
 РУБАШКА-ABS ПАЧКАТЬ-PAST
 ‘Рубашка испачкалась’;

- (29) se s-jə-žane sə-wəŕ_wejə-в
я 1SG-POSS-РУБАШКА 1SG-ПАЧКАТЬ-PAST
'Я испачкал свою рубашку';

Некоторые из них сочетаются с показателем каузатива и в переходном, и в непереходном употреблении – в этом случае каузативная форма квазисинонимична переходному употреблению глагола:

- (30) se s-jə-žane z-вe-wəŕ_wejə-в
я 1SG-POSS-РУБАШКА 1SG-CAUS-ПАЧКАТЬ-PAST
'Я испачкал свою рубашку'.

Различие заключается именно в том, какой компонент ситуации наиболее выделен. При немаркированном употреблении в фокусе внимания результирующая ситуация. В частности, в примере (31b) немаркированная форма лабильного глагола *zebɣərəteq_wən* 'рассыпать(ся)' обозначает ситуацию 'рассыпать', часто не зависящую от воли агенса, каузировать которую легко. Каузатив кодирует ситуацию 'разрушить' – прототипически она возникает в результате сознательных усилий (ср. (32)). Для её каузации требуются некоторые специфические действия каузатора:

- (31) a. ŕ_we-š'əв_wə-г zebɣərə-teq_wə-в
СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS LOC-БРОСИТЬ-PAST
'Сахар рассыпался'.
b. se ŕ_we-š'əв_wə-г zebɣərə-s-teq_wə-в
я СЛАДКИЙ-СОЛЬ-ABS LOC-1SG-БРОСИТЬ-PAST
'Я рассыпал сахар'
(32) čale-m depqə-г zebɣər-jə-вe-teq_wə-в
ПАРЕНЬ-ERG СТЕНА-ABS LOC-3SG-CAUS-БРОСИТЬ-PAST
'Парень разрушил стену'.

При других глаголах маркер каузатива служит для выражения намеренного действия, в отличие от немаркированной формы, которая выражает спонтанное возникновение ситуации:

- (33) sabəj-əm žeg_wəвe-xe-г wəne-m qə-г-jə-па-в
РЕБЁНОК-ERG ИГРУШКА-PL-ABS ДОМ-ERG DIR-LOC-3SG-ОСТАВИТЬ-PAST
'Ребёнок оставил игрушки дома' (нечаянно);
(34) sabəj-əm žeg_wəвe-xe-г wəne-m qə-г-jə-вe-па-в
РЕБЁНОК-ERG ИГРУШКА-PL-ABS ДОМ-ERG DIR-LOC-3SG-CAUS-ОСТАВИТЬ-PAST
'Ребёнок оставил игрушки дома' (нарочно)⁷.

Таким образом, когда имеется немаркированное переходное употребление, акценты смещаются. Немаркированный глагол акцентирует внимание на каузируемой ситуации, а маркированный каузатив – на

⁷ Различие в гласной инверсивного префикса и в последующей гласной вряд ли релевантно: например, в русско-адыгейском словаре значение 'остаться' переводится как *qenep*, а 'оставить' – как *qe(b)venep* без различий в гласных. В адыгейско-русском словаре глагол *qjənep* имеет переводы 'оставить где-л.' и 'остаться где-л.'. Локативные префиксы, вероятно, затрагивают лабильность и переходность глагола (отчасти эта связь будет обсуждаться ниже), но связь эта не прямая.

каузации. Такое смещение обусловлено, в частности, тем, что при каузативах от непереходных пациентивных глаголов роль агенса имеет только каузатор – СКС не конкурирует с ним, являясь пациенсом. Следовательно, прагматическая структура каузатива зависит от семантического класса и набора употреблений исходного глагола.

Заключение

Как мы видим, каузатив в адыгейском языке странным образом распределяет ситуации по важности: хотя деривация добавляет к исходной ситуации значение каузации, это значение не находится в фокусе. В то же время такие «смещённые каузативы», фокусирующие результат, встречаются в языках мира, хотя и выражаются обычно не маркерами: ср., например:

(35) *Почему я тебе это объясняю? 'Почему ты меня заставляешь это объяснять'*;

Вопрос, задаваемый говорящим, относится не к его собственным действиям, а к каузирующим их действиям адресата. Однако конкретный способ каузации не выражается (вспомним, что и в адыгейском языке при каузативах не фиксирован способ каузации).

В определённом смысле и русские, и адыгейские конструкции параллельны другим, где вне фокуса внимания находится как раз каузируемый – прежде всего, рефлексивному каузативу, обычно выражающемуся так же, как рефлексив:

(36) *Я постригся 'Сделал так, что меня постриг парикмахер'*;

В таких случаях выражается только каузируемая ситуация, которую как бы осуществляет сам каузатор.

Тем самым, каузативная ситуация склонна к асимметрии: один из её актантов (и, соответственно, одна из подситуаций) часто более выделен, по сравнению с другими. Это связано со сложностью ситуации, включающей два подсобытия: часто, чтобы «упаковать» эти подсобытия в одно предложение, нужно сфокусировать внимание на одном компоненте.

Адыгейская ситуация показывает, что синтаксические свойства актантов каузативного глагола могут быть обусловлены как свойствами деривации, так и прагматическими свойствами ситуации. С одной стороны, каузатор при адыгейском каузативе имеет субъектные свойства в силу самой природы каузативной деривации, вводящей нового субъекта. С другой стороны, каузируемый сохраняет такие свойства в силу выделенности подситуации, агенсом которой он является.

Другой важный результат адыгейский каузатив даёт для противопоставления между трактовкой каузатива как добавления участника и как добавления подситуации. С одной стороны, адыгейский каузатив напоминает конструкции с добавлением участника (как и в карачаево-балкарском языке, ситуация каузации не имеет своих собственных видовременных характеристик). Но в то же время причина

этого не в том, что подситуация не добавляется: отметим конструкции с отрицанием каузируемой ситуации – не отрицается в этом случае именно факт каузации. Скорее она является нерелевантной, как и её субъект: как полноценная ситуация, существует именно каузируемая ситуация.

По-видимому, признак **выделенности** ситуаций и их актантов типологически релевантен и для переносных употреблений. Можно построить классификацию, аналогичную классификации в [6: 208-219]:

Пассив: $P \gg A$

Инверсив: $P > A$

Актив: $A > P$

Антипассив: $A \gg P$.

Адыгейский каузатив:

Собственно каузативное значение: СКС >
каузатор;

Гортатив, переключение референции: СКС >>
каузатор;

Каузатив от лабильных глаголов, каузатив стимула: каузатор >
СКС.

Таким образом, переносные употребления каузатива не случайны: они только усиливают тенденцию, наблюдаемую и в собственно каузативном употреблении: СКС, синтаксически не являющийся субъектом в полном смысле слова, прагматически выделен сильнее, чем субъект. В дальнейшем было бы полезно проследить переносные употребления каузатива в языках, где в фокусе находится не каузируемый, а каузатор: отличаются ли они от адыгейских.

Интересной задачей в будущем может стать классификация каузативных конструкций в языках мира с помощью специальных тестов по тому, какая из подситуаций и какой из актантов в них наиболее выделен.

Сокращения

A – показатель согласования с эргативным агенсом

ABS – абсолютив

AP - антипассив

CAUS – каузатив

CONV - конверб

DYN – показатель динамичности

ERG – эргатив

INS - инструменталис

INV – инверсив

IO – показатель согласования с непрямым объектом

MSD - масдар

PAST – прошедшее время

PL – множественное число

POSS – посессивный маркер

REC – реципрок

REFL - рефлексив

S – показатель согласования с абсолютивным актантом

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо

Литература

1. Аркадьев П.М., Летучий А.Б. Деривации антипассивной зоны в адыгейском языке. В печати.
2. Гишев Н.Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. М., 1968.
3. Иванов М. Каузативизация и предельность. В печати.
4. Летучий А.Б. Классы лабильных глаголов в кавказских и индоевропейских языках: опыт сравнительного анализа. В печати.
5. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов. // Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л., 1969. С. 20-60.
6. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
7. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар - Майкоп, 1966.
8. Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
9. Comrie B. "The Syntax of Causative Constructions: Cross-Language Similarities and Divergences". // M. Shibatani (ed.). Syntax and Semantics. V. 6, The Grammar of Causative Constructions. New York, 1976. С. 261-312.
10. Dixon, R. M. W. A typology of causatives: form, syntax, and meaning. // Dixon & Aikhenvald (eds.) Changing valency: case studies in transitivity. Cambridge, 2002. С. 30–83.
11. Kulikov L.I., Sumbatova N.R. Through the looking-glass, and how causatives look there. // Comrie B., Polinsky M. (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam/Philadelphia, 1993.
12. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. Chicago, 1987.
13. Nichols J. Switch-reference causatives. // CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity. 1987.
14. Pyllkkänen L. Introducing Arguments. Cambridge, 2002.
15. Ramchand, G. The First Phase Syntax. Ms, University of Oxford. Oxford, 2003.
16. Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam/Philadelphia, 2002.
17. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum. In: Shibatani M. (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation.

Amsterdam/Philadelphia, 2002.

18. Shibatani, M. 'Causativization' // Shibatani M. (ed.), Syntax and semantics Vol. 5. Japanese generative grammar. New York, 1976.
19. Shibatani M. (ed.) Syntax and Semantics. V. 6, The Grammar of Causative Constructions. New York, 1976.